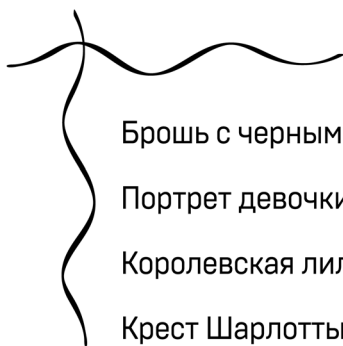

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы
Елены ДОРОШ
в серии «ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Елена ДОРОШ

Антикварная
история

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Дорош, Елена.

Д69   Антикварная история : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168354-2

Маша Заречная невольно становится участницей волнующих и трагичных событий, связанных с появлением в антикварном салоне, где она работает, старинной камен и наградной сабли, принадлежавшей герою Гражданской войны. Выясняется, что эти вещи непостижимым образом связаны с судьбами многих людей, давно ушедших и ныне живущих. Один из них – Вадим Гильберт, семья которого долгие годы несет бремя обвинения в предательстве. Сможет ли Маша установить истину и спасти доброе имя русского офицера?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош, Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168354-2

*Моему прадеду
Измайловцу Онуфрию Дорощу
посвящается*

СОБОЛЕВ

После обеда заработали гаубицы. Значит, часа через полтора пойдут огнеметчики, подумал полковник Соболев и поплотнее прижался к стенке окопа. За спиной послышалась ругань, и на землю рядом шлепнулся капитан Белецкий. Страхивая с шинели комья глины, он продолжал крыть всех и вся.

— Плохо пообедали, Белецкий? — покосившись на раздраженную физиономию капитана, поинтересовался Соболев.

— Напротив, полковник, я отлично подкрепился тухлой тушеной капустой и остатками прогорклого сала.

— Чего же тогда не в духе?

Соболев подкрутил кольцо настройки диоптрия полевого бинокля и продолжил осмотр позиций.

Гаубицы разродились очередным залпом. Бруствер взметнул грязную мешанину из глины и снега.

— Да твою мать! — снова ругнулся Белецкий.

— Капитан, вы же интеллигент в десятом поколении. Какого черта вы материтесь, как девица, которой наступили на новые галоши?

— Девицы матерятся? Это какие же?

Белецкий с интересом уставился на Соболева.

— Полковник, вы расширили круг общения? Не знал.

— Один — один, — вздохнув, признался Соболев и опустил ся на дно окопа.

— Мне кажется, сегодня атаки не будет, я прав? — спросил капитан.

— Ты чего злой такой?

— Да надоело все. Три дня назад должны были подвезти патроны.

— Так привезли же.

— Для нагана. Пять коробок. Пять! А надо было тридцать и для трехлинейки! Идиоты! Мы что, наганами от артиллерии будем отстреливаться? Почему в тылу одни кретины? Как их туда отбирают? Меряют линейкой объем мозга?

— Сколько патронов для винтовок есть в наличии?

— Один ящик. Это на час скромненькой стрельбы. А дальше что? Пойдем в штыковую? Так мы даже дойти не успеем! Они нас еще на подходе из «максимов» покрошат! Их у них знаешь сколько? Да что пулеметы! Разведка доложила: немцам на позиции скоро пгтурмовые бронированные машины подвезут. Танки называются. В переводе с английского — лохань. Ничего себе название придумали. Только выпустили.

Соболев устало посмотрел на расстроенного капитана.

— Не пойму, зачем ты мне все это рассказываешь?

— Выговориться хочу. Сестрица в письме написала, что любые проблемы следует проговаривать с доверенным лицом. Тогда, дескать, волнение стихнет.

— И разум просветлеет?

— Вроде того. Она на курсы ходит какие-то. Отличный способ, правда?

Соболев кивнул и подумал, что способ и в самом деле неплох. Он бы тоже хотел проговорить все, что накопилось на душе. Сесть бы с Анютой у камина, обняться, уютно накрывшись толстым английским пледом, и говорить, говорить, говорить...

Гаубицы бабахнули. Бруствер выбросил кучу грязи.

— Атаки сегодня действительно не будет. Пойдем погреемся немного, — предложил Соболев. — Мне ночью опять на позиции.

Пригибаясь, он побежали по извилистым переходам, чавкая сапогами. На дежурстве офицерам отдыхать полагалось в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок, пол, устланный для тепла сучковатыми досками. Лучшее, что можно было придумать. Солдатам приходилось не в пример хуже. Следуя передаваемому из поколения в поколение правилу, окопники половину шинели расстилали

на снегу прямо в траншее, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинели.

В трех километрах от позиций жилье у офицерского состава было чуть получше. Командному составу досталось несколько изб, в которых можно было хоть как-то отгородиться от остальных. Соболев, как старший офицер, имел даже свою конурку с окошком. Его, правда, пришлось завесить тряпьем, но так было даже теплее. Глиняная печка находилась за дощатой перегородкой. Там вместе с хозяевами разместился денщик. Спать ему выпало на лавке, потому что печка была занята ребятишками. Но это лучше, чем на полу.

Завалившись в землянку, офицеры долго топали ногами, стряхивая налипшую глину. В землянках печка не полагалась. Греться приходилось, как выражались солдаты, «пердячим паром». Штабное начальство было уверено, что печной дым обнаружит их позиции. Как будто немцы их не знали! Сами они грелись вовсю, потому над вражескими окнами столбиком поднимался густой дым.

Покосившись на спящего в углу прапорщика, офицеры уселись бок о бок на лавке. Расторопный Белецкий тут же выгащил откуда-то штофик из зеленого стекла.

— Выпьем для согрева?

— «Казенка»? — спросил Соболев.

— К сожалению, только шнапс, полковник. Наши два дня назад после атаки из немецких око-

пов притащили. Маловато, конечно, да и тот разбавленный. Эти швабы, они такие скупые, что даже водку разбавляют. Вот какой в этом толк, скажи?

— Никакого. Наливай.

Дмитрий разлил водку по стаканам, они чокнулись и выпили.

— «Целый штоф выпил я до дна и в тот день не ходил со двора», — пропел строку из Некрасова на мотив вальса Штрауса капитан и с сожалением добавил: — Штоф был бы уместнее в данной ситуации. Штофик — это, брат, сущие пустяки.

— И правда разбавленный, — с сожалением сказал Соболев.

— Нет, вот ты скажи, Николай, — заговорил неутомонный Белецкий, — какого дьявола мы переделали «максимы» под мосинский патрон, если пулеметов все равно нет? Два, и тех клинит на каждом шагу. Гаубица 122-миллиметровая вроде есть, а вроде и нет! Кой черт она нужна, если к ней нет снарядов? Артиллерийская бригада ушла в отпуск по ранению? А еще хвастались, что у них трехдюймовки работают как часики. Как часики, слышь? Что-то не слышно этих часиков с прошлой недели.

Николая давно перестали раздражать разговоры про дикую нищету русской армии, совершенно ни на что не годное воинское начальство и устаревшее до самой позорной низости вооружение. Он вообще старался об этом не думать. Не было никакого смысла. Надо просто делать свою работу, и все. Белецкий же по молодости лет жаждал

справедливости и искренне не понимал, как можно было довести да такого состояния еще недавно самую грозную армию в мире. Однако совсем не размышлять на эту тему он не мог. За четыре почти года этой жуткой войны он дважды терял весь состав подразделения. И это были не какие-нибудь «лапотники», которых набрали абы как. Гвардейские части — элита армии. И этой элиты почти не осталось. Из командного состава тех, кто начал воевать в четырнадцатом, осталось лишь несколько офицеров на весь Измайловский полк. Пришлось штаб-офицерам, к числу которых принадлежали они с Белецким, принять командование подразделениями. Кому что достанется.

— Слушай, давно хотел тебе сказать, — плеснув в стаканы еще по чуть-чуть, сказал вдруг Дмитрий. — Не нравится мне твой денщик. Помню, ты говорил, что справляется он хорошо, да только дело не в этом. Опасно брать из разжалованных, тем более за такое преступление.

Соболев пожал плечами.

— Не поздновато ли разговор заводить? Он со мной два года. И потом. Ну что было с ним делать?

— Да он дикий, этот твой Стах! Подумай только, не поделил с товарищем бабу, так взял его и прирезал!

— Он пьяный был, а во хмелю, сам знаешь, человек себя не помнит. Он раскаивался. Плакал даже. Впрочем, дело тут в другом. Я не из жалости его взял. Стах — опытный и умелый солдат. Он же в разведчиках служил.

— Да знаю я и про разведчиков, и про его прошлые подвиги! Но человек он ненадежный. Сейчас сам понимаешь, какое время. Среди солдат агитаторы кишат. Большевики какие-то. Дерзкие ребята. Говорят, что со дня на день Временное правительство падет. Тогда такое начнется! Кое-где, слышал, уже братания с врагом начались. Твой Стах на всех офицеров волком смотрит. Как ты такому не боишься доверять свою жизнь?

Соболев посмотрел на взволнованное лицо друга и, встав, достал с небольшой полочки хлеб и завернутое в тряпицу сало.

— Сейчас каждый солдат на счету. Тем более такой, как Петр. На, закуси, а то сам с похмелья буйным станешь.

— Да отлично, что стану! Подниму всех в атаку и пойду со знаменем впереди! Сметем этих немцев с лица земли!

— Ну вот, уже началось. Отрежь-ка мне сала кусок.

— А колбасы не осталось? Был хвостик.

— Окстись, Белецкий. Того хвостика уж сутки простыл и след. На вот сыру. Правда, он кое-где заплесневел от сырости.

— Ничего, завтра нас сменят, наедемся щей наваристых да каши с мясом. Тут из полевой кухни вообще ничего есть нельзя. Как эта серая масса, которой нас потчуют, называется, не знаешь?

Соболев допил пшнэпс и, морщась, откусил сыра.

— И все же подумайте, господин полковник, насчет Стаха. Говорю вам...

Дверь в землянку распахнулась, и в засыпанной снегом шинели вошел именно тот, о ком они только что говорили.

— Ваше высокоблагородие, — бодрым голосом произнес денщик, отдавая честь, — прислали сказать, что смена будет только после обеда. Майор Хрящевитов заболел, его в госпиталь увезли. Вместо него прибудет капитан Отроков, но позже, как поспеет из штаба полка.

— Какая чудесная новость! — издевательским тоном воскликнул Белецкий.

— Хорошо, Стах. Можешь идти отдыхать, я вызову, если понадобится.

Белецкий проводил Стаха, снег на котором так и не растаял, недобрый взглядом.

Соболев разбудил спящего прапорщика и отправил проверять посты. За ним вышел и капитан.

Завернувшись в шинель, оставшуюся от убитого вчера офицера, Николай лег на хранивший слабое тепло недавно лежащего тела топчан и повернулся лицом к каменной стене. Лежать к ней спиной совсем уж невозможно. Начинаешь примерзать. Соболев закрыл глаза и тут же увидел Анюту. Она сидела с вязаньем на кресле у печки, а маленький сынишка копошился у ее ног. Вот тихо вошла нянечка и унесла малыша в детскую. Анюта осталась одна. Вот отложила рукоделье, протянула руку к печному теплу и задумалась. Николай не сомневался, что думает она о нем. Так же, как и он о ней в любую свободную минуту.

— Анюта, — позвал он жену и пробудился.

Дверь землянки вздрогнула и отлетела прочь от взрыва. Николая отбросило к противоположной стене и прижало свалившейся от следующего разрыва балкой. Он задохнулся от удара. В глазах помутилось от дыма и боли. В ту же минуту кто-то очень сильный откинул бревно и, схватив за грудки, немилосердно дернул его на себя. Соболев вскочил, как будто его подкинули, и вовремя. На то место, где он только что был, упала полка.

— Ваше высокоблагородие! — крикнул Петр Стах, ибо это был он. — Держитесь за мной, я выведу!

Они выбрались из обрушившейся землянки и упали на дно окопа. Соболев попытался встать, но денщик сильной рукой прижал его к земле.

— Не время! Обождите немного! Сейчас они огонь переместят, тогда подыдемся!

Николаю казалось, что уши у него плотно заложены ватой. Это от взрыва. Пройдет.

Он отбросил руку Стаха и пополз по траншее на карачках. Надо срочно проверить, насколько сильно пострадали ряды бойцов, и организовать отражение атаки. А то, что атака будет, он не сомневался.

— Ваше высокоблагородие, не вставайте только, — проговорил сзади Стах.

Соболев оглянулся и увидел его лицо. В нем не было ни капли страха.

— Давай за мной! — скомандовал ему полковник, встал и, пригибаясь, побежал туда, где раздавались крики.

Метров на сто от командирской землянки траншея была забита телами. Живые и легко раненные, прикрываясь мертвыми товарищами, которых было гораздо больше, ждали окончания налета и готовились к атаке. Дальше скученность стала не такой страшной, и можно было идти от бойца к бойцу, лишь наклоняясь как можно ниже.

Соболев нашел Белецкого, который по касательной был ранен в руку, в тыл идти отказался и выглядел очень бодрым. Еще троих офицеров полковник обнаружил к концу окопной линии. Он расставил их по местам и, когда артиллерийский налет немного стих, направился тем же манером в обратный путь. Интересно, ждать ли нынче при атаке огнеметчиков? Вчера Бог миловал. Неужели у немцев горючка кончилась?

Оказалось, что нет, не кончилась. Аккуратные немцы все делали строго по инструкции.

С началом атаки полковник стал двигаться быстрее. Надо было успеть оценить обстановку и отдать команды на всех участках.

Телефонная линия, оборванная неделю назад, так и не была восстановлена, поэтому ждать приказаний из штаба не приходилось. Оно и к лучшему, подумал Соболев и, повернувшись к Стаху, который все время держался рядом, велел ему вернуться в разбитую землянку и принести планшет с картами и бинокль. Стах, которому ничего не надо было повторять дважды, быстро двинулся вдоль окопа, проскальзывая между завалами из тел и грязных куч вывороченной земли.

Полковник Соболев остался на позиции рядом с прапорщиком Грудининым, худеньким юношей с бледным прыщеватым лицом.

Огнеметчики пошли на них цепью. Первый нес трубу с так называемой «лейкой», направляя огненную струю, второй, с наполненными горючкой баллонами за спиной, следовал за ним. Русские знали, что струя огнемета имеет небольшую дальность, метров двадцать, но когда идущие цепью немцы по команде выпускали столб огня, особо впечатлительные бросали оружие и начинали креститься.

Соболев лег грудью на бруствер и проверил наган. Прицельная дальность револьвера почти пятьдесят метров. Неплохо, если, конечно, сумеешь воспользоваться этим преимуществом.

Николай нашел глазами ближайшую пару огнеметчиков и прицелился в того, что нес баллоны с горючим. Злобный осенний ветер стих только на мгновение, и Соболев успел выстрелить. Пуля, чиркнув по металлической обшивке, пробила баллон сбоку. От искры баллон разорвало, огнеметчики вспыхнули, пламя обожгло соседних солдат, которые рванули со своими огнеметами в разные стороны, пытаясь спастись от собственного оружия.

— В атаку! Ура! — заорал вдруг под мышкой у Соболева Грудинин, рванулся, вскочил на бруствер и бросился вперед.

Вдохновленные замешательством в рядах противника, солдаты с криками бросились за своим храбрым командиром.

Соболев побежал вдоль траншеи, чувствуя за спиной растущее, как волна, воодушевление солдат. У развороченной взрывом во время атаки землянки он остановился, залез почти на самый верх бруствера и не удивился, увидев, что его денщик оказался рядом.

Полковник протянул руку.

— Бинокль.

Стах подал и, чуть высунувшись, тоже стал смотреть. Смелый, подумал про него Соболев и приставил к глазам бинокль.

Наверное, на другой стороне заметили блеск линз. Или просто — движение. Пуля, выпущенная из немецкого пистолета, с дикой скоростью помчалась в сторону окопа русских. Ее полет был точен, как никогда. Потом Соболев неоднократно задавался вопросом, как Стах мог предугадать конечную цель ее движения. Почувствовал, что ли?

За мгновение до того, как пуля попала бы в голову Николая, Стах вдруг резко и сильно пихнул его в сторону. Соболев услышал только, как что-то свистнуло у уха, и от бревна за его головой в разные стороны разлетелись щепки.

Они спрыгнули на дно окопа.

— Петр, спасибо. Ты мне жизнь спас, — почему-то очень тихо сказал Николай.

Стах, повернувшись, посмотрел на него и спокойно ответил:

— Ничего. Как-нибудь сочтемся, ваше высокоблагородие.

На следующий день смена прибыла только к вечеру. Злые и голодные офицеры залезли на последнюю телегу. Хорошо, что раненых оказалось не так много и одна оказалась пустая. Идти все равно не было сил. Пока ехали до штаба, Белецкий, прижавшись спиной к соболевскому боку, задремал. Николай придерживал его рукой, чтобы не свалился, и думал о том, что его предыдущее письмо Анюта, наверное, уже получила. Обидно, что он не умеет передать бумаге свои чувства. Теперь, когда возможность встречи с Анной становилась все более нереальной, ему было жаль, что, когда жена оставалась рядом, он говорил с ней о пустячных делах, обсуждал невесть какие проблемы, мелочи, ерунду. А надо было каждую минуту говорить о важном. О том, какое счастье, что по воле Господа им довелось встретиться, обрести друг друга, о том, как сложится судьба их сына Сергея, о том, что надлежит делать и думать, ежели им не доведется быть вместе. Тогда он не хотел пугать Анюту подобными разговорами, потому и говорил об обыденном, старался отвлечь от горестных мыслей. Теперь кается, что не успел.

— Чего не успел? Куда? — хриплым спросонья голосом пробормотал Белецкий и вскинулся.

— Приехали, господин капитан. Выружайтесь.

К себе в каморку Соболев попал ближе к полуночи и сразу сел писать письмо жене. Все, что накопилось на душе в последние маетные дни, вдруг вылилось в какую-то странную форму: прочти кто,

не поймет, в чем суть. Ну и пусть. Не для чужого взгляда писано. Анюта поймет, и довольно.

Николая вдруг забрала такая тоска, что он даже застонал внутренне, неслышно, про себя.

В дверь постучали.

— Господин полковник! Разрешите доложить! — войдя в комнату, гаркнул посыльный из штаба.

— Господь с тобой, что ты орешь, любезный? Докладывай, коли есть что, — поморщился Соболев.

— Завтра с утра начальник штаба требуют к себе всех офицеров к четырем утра.

— Наступление, что ли, готовится?

— Не могу знать, господин полковник!

— Ступай, орало. Перебудил всех. Хотя нет, постой. Возьми письмо. Пусть завтра с утренней почтой уйдет.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

— Иди уже, мучитель.

Соболев устало махнул рукой. Чаю, что ли, выпить? Может, полегчает на душе. Впрочем, к черту чай. Лучше поспать подольше.

Он лег на узкую койку и почти задремал, как вдруг дом тяжело вздрогнул и как будто просел. Повалил серый дым и сразу запахло гарью.

— Стах! — крикнул полковник, выбегая на хозяйскую половину.

Снаряд разорвался близко от дома, взрывной волной ударило так, что стена накренилась. Печка треснула, из нее повалил дым.

— Я здесь, ваше высокоблагородие! — Денщик выскочил из сеней одетый, будто и не ложился.

— Где хозяйева?

— Они еще с вечера в погреб ушли. Боятся в доме спать.

Раздался еще один взрыв. Чуть дальше вроде. Неужели немцы нас опередили и пошли в наступление, не дожидаясь утра? Не похоже на них.

— Собери вещи, уходим. Я сейчас! — крикнул он денщику, вернулся в комнату и стал быстро собирать то, что не мог оставить.

Он услышал за спиной движение и понял, что в комнату вошел Стах.

— Иди, Петро, я уже скоро! — продолжая собирать в дорожный мешок документы и самые важные для себя вещи, крикнул полковник. — Ты свое собрал? Забери...

Он не успел договорить. В спину вошло что-то твердое и, пробив внутренности, застряло там, заставив кровь замереть, а потом понестись с новой силой. Соболев вздрогнул, обернулся и увидел прямо перед собой желтые звериные глаза.

— Ты же мне жизнь спас...

— А это чтобы ты не боялся ко мне спиной повернуться. Со спины бить сподручнее, — ответил ему денщик и выдернул нож.

Соболев упал на спину. Кровь хлынула из горла и затопила все вокруг.

— Как же я тебя ненавижу, — прошептал Стах и, встав на колени, принялся расстегивать мундир полковника.

— За... что? — деревенеющими губами прохрипел Николай.

— А вот этого ты никогда не узнаешь, — наклонившись к его губам, проговорил Стах и с силой воткнул нож еще раз.

Прямо в сердце.

МАША ЗАРЕЧНАЯ

— Жила-была девочка Маша, и была в голове у ней каша! — изрек отец и в сердцах стукнул кружкой об стол.

Кофе выплеснулся на пластик. Любаша тут же вступила в бой. Как будто ждала сигнала.

— Ну чего ты стукаешь? Чего стукаешь?

Она вытерла стол тряпкой и нависла над щуплой фигуркой отца.

— Правильно она сделала! Чего ей в этом гребаном архиве делать? Там мухидохнут, не то что девки молодые! Денег — кот наплакал, а пылищи — хоть мешками каждый день выноси! Она там астму заработает, если не хуже чего-нибудь!

Маша покосилась на мачеху. Сейчас наговорит. Любаша словно услышала и наддала.

— А тяжести какие таскать приходится! Папки эти! Они ж пудовые! А ты их туда-сюда, туда-сюда! Грыжа к старости обеспечена!

— Да чего ты несешь? Какие папки! Не знаешь ничего! — попробовал построить оборонительные сооружения отец.

Но Любашу было не остановить. Швырнув мокрую тряпку в раковину, она уперла руки в бока и пошла в наступление:

— Сам ничего не знаешь, старый хрен! В магазине ей знаешь сколько платить станут? Тебе и не снилось! Она не только сапоги на зиму, еще и шубу каракулеву купит с лисьим воротником!

Маша представила себя утопающей в каракулевой шубе и поехала. Не дай, как говорится, боже! Но Любаше перспектива лисьего воротника придала новых сил.

— Да в антикварный только богатые ходят! Сплошь олигархи! Выбирай любого! А уж красота какая вокруг! Тут тебе и часы с кукушкой золотые, и статуи всякие, и хрустали! Сразу уровень культурный вырастет!

— Ага! До небес! Как пойдет в продавщицы, так сразу и окультурится! Для этого она, что ли, пять лет в институте училась?

— Тю! В институте! — передразнила мамеха. — Да дурацкий твой институт! Ты подумай! Историко-архивный! Тьфу! Даже выговорить невозможно! Антикварный салон! Это звучит!

— Гордо, что ли? — покосился отец.

Кажется, он начал сдавать позиции. Конечно! Куда ему против Любаш!

— Да! Это звучит гордо! — заявила она и шлепнула на стол тарелку с оладьями. Оладьи подпрыгнули, словно подтверждая ее правоту.

Понимая, что бой окончен, Маша быстренько ухватила теплый оладушек и смылась к себе в комнату. Уф! Кажется, все не так плохо. Она прислушалась. На кухне было тихо. Вовремя Любаша со своими оладьями. Отец, конечно, так просто не сдастся. Еще долго будет в ее присутствии хмурить брови и бурчать под нос, но это уже не так страшно.

Главное сделано. Они знают.

Теперь можно перейти ко второму этапу эпохальных преобразований — стать продавцом в самом шикарном антикварном магазине Питера. Точнее, продавцом она уже стала. Так сказать, де-юре. Осталось начать. А начать нужно прямо с завтрашнего дня.

В комнату заглянула довольная собой Любаша.

— Ну чего ты тут? Пойдем кофе-то пить. Папка твой уже ушел.

— Злой?

— Да злой покамест, но это все фигня! Вечером я ему супчику нажористого налью, он и подобреет. Пойдем на кухню. Надо пенку на бульоне не пропустить, а то весь суп медным тазом накроется на хрен!

Маша пошла на кухню, в который раз удивляясь, что ей так повезло с мачехой.

Пить отец начал еще при жизни мамы. Сначала все было прилично и вполне терпимо, но не про-

шло и пяти лет, как он остался без работы, а семья без питерской квартиры. Переезд в хрущевку на краю Ленинградской области подкосил и без того исыхнувшие силы матери. После ее смерти отец зашил пуще прежнего. Маше тогда только-только стукнуло двенадцать, брату Саньке — семь. Девять-ся было некуда, и обоим казалось, что выхода вообще нет и никогда не будет.

В промежутках между запоями отец то и дело устраивался куда-нибудь работать, ясное дело, не по специальности. Пьющих саксофонистов везде хватало и своих. Наконец его взял грузчиком в продовольственный магазин, по привычке называвшийся супермаркетом.

Что заставило кассиршу этого самого супермаркета Любашу обратить внимание на опустившегося алкаша, осталось тайной. Женщина была в самом соку, недостатка в кавалерах не имела, зарплата хоть небольшая, но стабильная, кроме того, имелась своя квартира со всеми удобствами. Потом Маша не раз пыталась выяснить, зачем такой женщине понадобился горький пьяница с двумя детьми. Любаша пожимала плечами:

— Пожалела мужика.

И все. Маша понять этого не могла. Сама она жалела отца, талантливого музыканта, потерявшего все, но это было объяснимо — она дочь. Любашин мотив казался ей просто блажью и глупостью.

Однако Любаша оказалась крепким орешком. Не прошло и года, как отец перестал пить и устроился на работу в оркестр городского дома народно-

го творчества. Любаша ловко продала обе квартиры, и они поселились в собственном небольшом домике, где места, однако, хватило всем. Своих детей у тридцатипятилетней Любашы не было, да она, похоже, и не стремилась. Ей хватало приемышей и мужа, который стал для нее самым младшим ребенком.

Маша привыкла к мачехе на удивление быстро. Ее деревенская кондовость девочку не смущала, даже наоборот. Сама резкая и грубоватая Маша нашла в новой жене отца почти что подругу. Вообще, с друзьями у Маши было туговато. В Питере она передралась со всеми во дворе, в том числе и с девчонками. За то, что называли отца алкашом и кидали в него чем попало, когда он почти ползком возвращался домой после очередной попойки, за то, что смеялись над обносками, в которых ей приходилось ходить, за то, что лупили почем зря Саньку, за маму, которая от стыда не смела глядеть соседям в глаза, короче, поводов было достаточно. Дом, в котором они жили, был, что называется, «приличным», алкоголиков там не привечали, поэтому, когда семья перебралась в Кириши, Маша даже обрадовалась, резонно полагая, что в этом городке ее отец будет не одинок.

Однако с друзьями и тут вышла незадача. Местные ребята на них с братом смотрели, будто они прибыли с другой планеты. Переехать из Питера в районный центр с населением чуть больше пятидесяти тысяч, для них было чем-то непостижимым.

Очень скоро для Маши все стало по-прежнему: склоки-драки и в результате — полное одиночество.

Плюс от такой жизни вышел только один. Учитель физкультуры из школы, в которой они с братом учились, однажды увидев, как девочка отбивается от насевших на нее троих мальчишек, взял ее за руку и отвел в секцию айкидо. Сама она была уверена, что ей больше подошло какое-нибудь боевое самбо или карате, но в городе имелось только айкидо. И это стало ее спасением. В секции ее научили контролировать агрессию, управлять эмоциями и помогли направить свою молодую силушку в позитивное русло. За прошедших с тех пор десять лет из угрюмой девочки-драчуньи Маша превратилась в обладателя черного пояса и третьего дана этого боевого искусства.

Окружающие не сразу заметили метаморфозы, произошедшие с юной грубиянкой. Долго не замечала их и сама Маша, пока однажды Любаша, недавно появившаяся в их семье, не сказала:

— Мне бы, Маня, твою красоту и интеллигентное воспитание, я бы в секретарши к гендиректору на нефтяной завод пошла.

Маша тогда долго рассматривала себя в зеркало. Особой красоты в скуластом лице она, правда, так и не обнаружила, но припомнила, что в последнее время пацаны, зло задиравшие ее при каждом удобном случае, теперь подходят просто пообщаться, да и учителя перестали цепляться довольно давно. С девчонками Маша по-прежнему

общего языка не находила, а может, и не искала, однако изгоем себя уже не чувствовала.

Апофеозом того, что Маша уже не злюка и грубиянка, а приличная и умная девушка, стало ее поступление на историко-архивный факультет солидного питерского вуза. Там когда-то училась мама, и это стало решающим аргументом при выборе. Домашние были слегка удивлены, но сочли, что все к лучшему. Там, среди бумаг и умных книг, Маша станет еще спокойнее, рассудительнее и интеллигентнее. И тогда ее сразу возьмут замуж.

Занятия айкидо она не бросила, ездила к своему сэнсэю все студенческие годы. На жалостливые причитания родных отвечала, что ничего менять не станет, а если они думают, будто ей тяжело мотаться туда-сюда, то пусть не печалятся — препятствия, как говорил основатель айкидо Морихэй Уэсиба, не должны мешать установлению равновесия в ее внутренней вселенной. Понятно?

Отец с Любашей переглядывались и дружно кивали. Конечно понятно. Чего ж тут непонятного?

Получив диплом, Маша вернулась в Кириши и легко устроилась в архив районной администрации. Все, казалось бы, оборачивалось неплохо. В администрации работали люди солидные и сплошь образованные. Года через два можно будет присмотреть из них жениха и зажечь своим домом. Так или примерно так рассуждали Любаша и отец, полностью находившийся под ее влияни-

ем. Но тут случилось то, о чем Маша долго не решилась объявить домашним. Решение устроиться работать в антикварный магазин, несомненно, расходилось с семейной доктриной, повествующей о том, как должна сложиться ее жизнь.

Рассудив, что главным омбудсменом в семье является, несомненно, мачеха, хитрая Маша решила обработать сначала ее. Нарисовав заманчивую перспективу, которую сулит статус продавца-консультанта в богатом столичном магазине, она без труда завербовала ее в качестве тяжелой артиллерии на случай, если отец, ставший с годами мнительным и пугливым во всем, что касалось детей, станет возражать и ругаться.

Теперь, когда по крайней мере первый бой был выигран вчистую, женщины на радостях решили, как сказала Любаша, «испить кофею» со сгущенкой и даже открыть коробку с конфетами, купленную к празднику.

— А комната хорошая? Чего там у тебя есть? — поинтересовалась Любаша, когда падчерица рассказала, что сняла жилье недалеко от работы, почти в самом центре.

— Да все есть! — радостно ответила Маша и зачихнула в рот конфету.

На самом деле комната, на которую у нее хватило денег, была совершенно «убитая». В самом глубинном понимании этого слова. Долгое время хозяин тринадцатиметровой жилплощади в четырехкомнатной коммунальной квартире хранил там всякое барахло, которое не поместилось в но-

вом доме. За несколько лет мыши превратили барахло в хлам, а само помещение — в «мерзость запустения». Решив сдать комнату, хозяин ничего вывозить не стал, рассудив: кому надо, тот пусть и вывозит.

Маша взяла в архиве отпуск и, сказав домашним, что едет к подруге в Краснодарский край, принялась за уборку «авгиевых конюшен». Хорошо, что комната находилась у входной двери, иначе остальные жильцы вынесли бы ее вместе с мусором, который, кроме всего прочего, еще и вонял. За месяц непосильного труда комнату все же удалось худо-бедно прибрать и даже заставить нормальной мебелью. Дешевенькой, конечно, зато новой. Наконец на окнах появились занавески, и Маша решила, что жилье вполне пригодно для жизни. Большого от него и не требовалось.

Обо всем этом она решила никому не рассказывать, но любопытная Люба требовала подробностей.

— А телевизор есть?

— А то! — ничтоже сумняшеся кивнула Маша, вспомнив, что у одного из соседей на кухонном столе стоит малюсенький телевизор.

— А холодильник?

— Как без него! — положив в рот еще одну конфету, прошамкала падчерица, только пару дней назад вывесившая за окно пакет с продуктами.

— Ну и заживешь ты, Маня! Как принцесса на горошине!

ЕЛЕНА ДОРОШ

— Куда принцессе! Бери выше! Как королевишна на перине! — хвастливо заявила Маша и потянулась за новой конфетой.

Без конфеты эту ее новую квартиру не переварить.

Хорошо еще, что Любаша не поинтересовалась, есть ли у нее ванная.

ЛЕВ МОИСЕЕВИЧ

Первый рабочий день в антикварном магазине начался с «поверки личного состава». Проводил мероприятие директор — Лев Моисеевич Суслин, фигура, по мнению Маши, невозможно привлекательная и донельзя харизматичная. Основной достопримечательностью этого человека были голова и уши. Вернее, левое ухо, отличавшееся от собрата гораздо большим размером и исключительной оттопыренностью. Причину столь разительной разницы ей объяснила продавец Наташа. Оказывается, Лев Моисеевич лет тридцать безнадежно глух на правое ухо. Левым пользуется на всю катушку, посему активное ухо и приобрело такой вид. Что касается головы, то она, напротив, была слишком маленькой для взрослого человека, к тому же ее размеры существенно уменьшала обширная лысина. Впрочем, это не мешало голове отлично соображать и быть абсолютно уверенной в своей исключительной привлекательности. Вой-

дя в магазин, Лев Моисеевич первым делом отправлялся к зеркалу и проводил перед ним не менее пяти минут. И только потом, видимо убедившись в своей неотразимости, отправлялся на рабочее место.

Маша влюбилась в директора с первого взгляда. И пусть Лев Моисеевич был на редкость вздорным старикашкой, пусть обожал не просто орать на сотрудников, но еще и топал при этом ногами, пусть за малюсенькое пятно на витрине драл продавцов, как сидоровых коз, пусть никому ни разу в жизни не повысил зарплату, она решила, что будет обожать его до конца своих дней. Почему-то ей казалось: если бы у нее был жив дедушка, то она бы хотела, чтобы он был копией Льва Моисеевича. Остальные сотрудники, включая тех, что работали в двух других магазинах, вряд ли разделяли ее мнение — и, возможно, были правы, ведь хороших начальников не бывает. Но каждый раз, когда директор появлялся в поле ее зрения, Маша испытывала прилив умиления. Какой же он все-таки мимимишный! Страшненький, смешной, но такой очаровательный!

Особенно ее подкупила реакция директора на ее знаменитую фамилию. Обычно люди, особенно мужчины, на ее фамилии пиарились как интеллектуалы и знатоки русской классической литературы. Основных текста было два. Одни говорили: — Заречная? Случайно, не Нина? Ах, как жаль! Были бы тезкой чеховской героини! Обожаю «Чайку»!

Второй звучал с точностью до наоборот:

— Заречная? Надеюсь, не Нина? Терпеть не могу эту вымороченную героиню вместе с пьесой!

Лев Моисеевич, услышав ее фамилию, тут же заявил:

— Отличная фамилия! Винтажная! Прекрасно подходит для антикварного салона!

Маша улыбнулась. Ну до чего хорош!

Проверка была частью обряда посвящения нового сотрудника в ряды антикварных рабов, вернее, рабов антиквариата, как называл их директор.

Машу познакомили с остальными работниками и вслух зачитали ее должностную инструкцию. Видимо, для того чтобы предупредить будущие нарушения и отрезать пути к отступлению.

В магазине на Большой Морской работало семь человек. В зале постоянно находились трое продавцов — Маша с Наташей и Костик. Уборщица приходила после закрытия, бухгалтер и директор сидели по кабинетам, но существовал еще один персонаж — «протиральщица». Звали ее Изольда Христофоровна, и занималась она исключительно протиранием всевозможных поверхностей — витрин, мебели и предметов, выставленных на продажу. Появлялась она в зале каждые два часа, и совершенно неважно, заходил ли кто-нибудь в салон. Методично перемещаясь между витринами, Изольда Христофоровна протирала стекла, обмахивала специальной метелочкой антикварные предметы, потом окидывала территорию орлиным взором и молча удалялась до следующего своего дефи-

ле. Лев Моисеевич относился к «протиральщице» с трепетом, постоянно повторяя, видимо в назидание остальным, что такой чистоплотной дамы он еще не встречал.

Был, правда, еще сотрудник вневедомственной охраны. Его стол располагался в небольшом холле между двух стеклянных, во всю стену, дверей. У каждой были установлены специальные тепловые завесы, поэтому в холле всегда тепло. Сквозь прозрачные стекла отлично видны и улица, и торговый зал. Охранника тоже все видели, и это ужасно ему мешало. Словно в аквариуме, блин! Приходилось целый день пялиться в монитор, а можно было размяться, поприсесть или выйти покурить на крыльцо, поиграть в телефоне, в конце концов. Впрочем, в телефон смотреть все же удавалось. Не дурак.

Маше было жаль бедолагу, а Костик наблюдал за страдающим от безделья человеком с удовольствием. В перерыве, уминая принесенный хозяйственной Наташей пирог, он смешно изображал муки прикованного к столбу Прометея. Наташа смеялась, прикрывая рот ладошкой. Костик ей нравился.

На должность продавца-консультанта в антикварный магазин ее порекомендовала бывшая однокурсница, соседом которой по лестничной площадке являлся Лев Моисеевич Суслин. Сам он тоже был наемным работником, но хозяин магазина, которого никто из сотрудников в глаза не видел, доверял подбор персонала именно ему. За

много лет Лев Моисеевич ни разу не ошибся, так как у него в этом деле имелся свой секрет.

Секрет заключался в том, что каждый претендент на место должен был пройти личное собеседование у супруги Льва Моисеевича — Бины Рафаэльевны.

Сперва Маша решила, что из всех потенциальных сотрудниц женского пола жена директора выбирает наиболее безопасных для супружеского ложа. Так сказать, не вводящих в искушение. Но оказалось, что Бина Рафаэльевна подходила к отбору на полном серьезе и вполне научно. Однако это Маша поняла не сразу.

Квартира Суслиных представляла собой мини-филиал антикварного магазина или даже музея. Маша вошла и на миг зажмурилась от обилия золота, серебра, картин в тяжелых позолоченных рамах и мраморных статуэток на шкафах, полках, тумбочках и комодах из красного дерева. Отвернувшись, она скинула куртешку, пристроила ее на какую-то скамейку, пригладила волосы и только тогда обернулась к вышедшей ей навстречу хозяйке дома. На антиквариат она больше не смотрела. Нечего пялиться на чужое добро. Не за этим пришла.

Бина Рафаэльевна, имея в анамнезе чистокровное семитское происхождение, всю жизнь прожила в России, хлебнула в этой замечательной стране немало лиха и являла собой поразительную смесь настоящей русской бабы с истинно еврейской тетушкой.

Лев Моисеевич называл ее в зависимости от ситуации Картиной Рафаэля или Мудростью Вселенной, потому что имя Бина в переводе с какого-то из еврейских языков означало «мудрость».

Внешне Бина Рафаэлевна ни одно из бессмертных творений Рафаэля не напоминала даже отдаленно. Крупная голова на короткой шее упиралась в могучие борцовские плечи, ниже располагалась не менее значительная грудь, все остальные части тела были гораздо миниатюрнее и прятались под необъятными темными одеждами.

Пока Маша рассматривала Бину Рафаэлевну, супруга директора не скрываясь разглядывала посетительницу. Постояв так с полминуты, хозяйка подняла бровь и выкинула в сторону полную руку.

— Добрый день. Прошу.

Они прошли в гостиную, где хозяйка сразу указала на кресло у окна. Маша, не глядя по сторонам, села. Бина Рафаэлевна устроилась напротив, причем так, чтобы ее лицо оставалось в тени, тогда как собеседница была видна как на ладони. Смысл маневра Маша разгадала в одно мгновение, поэтому нахмурилась и стала смотреть в окно. В конце концов, даже отличное место не стоит того, чтобы позволять делать из себя экспонат Кунсткамеры.

— Лев Моисеевич сказал, что вы окончили весьма приличный вуз, — начала Бина Рафаэлевна.

— Достаточно приличный, — согласилась Маша.

— Ваша специальность называется «архивариус»? — продолжила Бина Рафаэлевна.

— Правильнее сказать «архивист», хотя официально я — специалист по экспертной оценке и реставрации архивных и антикварных документов, — поправила Маша.

— Звучит круто! — воскликнула Бина Рафаэлевна.

— И гордо! — подтвердила Маша.

И тут Бина Рафаэлевна выдала:

— Ну и на хрена с таким образованием ты потащилась в продавщицы?

— Да чтобы было с чем этот хрен кушать, — любезно ответила Маша и посмотрела Бине Рафаэлевне прямо в глаза.

На этом допрос закончился, причем самым неожиданным образом. Бина Рафаэлевна закинула голову и расхохоталась. Ее басовитый смех отозвался звоном каких-то стеклянных вазочек на каминной полочке. Одновременно забили большие напольные часы, где-то что-то застучало и в гостиную быстрым шагом вошел хозяин.

— Картина моя, что тебя так рассмешило? — спросил Лев Моисеевич, стрельнув глазами в Машу.

Бина Рафаэлевна утерла слезы и, тыкнув в претендентку пальцем, изрекла:

— Бери ее, Суслик! Бери, не ошибешься! Ибо некорыстна и к юмору чувствительна.

Лев Моисеевич поморгал коричневыми глазами. Наверное, ему было неловко перед Машей за столь откровенное освидетельствование. А может, просто не ожидал, что оно закончится так быстро?

ЕЛЕНА ДОРОШ

В магазин ее взяли, а Бина Рафаэлевна в тот же день неожиданно пригласила на день рождения Льва Моисеевича, который обещал случиться через месяц.

Последнее Машу несколько смутило. А это нормально — позвать продавщицу на день рождения директора?

ШИРЯЕВ

Раздумывать над странным порывом Бины Рафаэлевны было, однако, некогда. Кроме новой работы, существовала еще одна проблема, решить которую следовало незамедлительно. Надо было найти в обозримом пространстве клуб айкидо, где она могла бы тренироваться. Она нашла два. Один все же располагался далековато. Все равно что опять начать мотаться в Кириши. Только теперь частое появление на пороге родного дома чревато многочасовыми разборками с отцом, который так и не принял новации в дочкиной жизни. Нет. Надо искать возможность для занятий в Питере. Ведь не может же быть, чтобы в городе не было приличного клуба? К тому же ее тренер из Киришей настаивал, чтобы она искала клуб с сильным составом.

— У меня самого только третий дан, многому научить уже не смогу. Тебе нужен кто-нибудь покруче, — сказал он ей напоследок.

Второй вариант был гораздо ближе, и Маша, позвонив по указанному на сайте клуба номеру,

договорилась с тренером, что придет посмотреть, как проходит занятие.

Полная радужных надежд и даже некоего трепета, она, проехав на маршрутке примерно полчаса, подошла к серому четырехэтажному зданию образца восьмидесятых годов. Бетонная коробка с панорамными стеклами была заполнена всевозможными учреждениями и коммерческими структурами. Имелись даже сауна и бассейн. Клуб айкидо располагался на втором этаже. Удивившись, что внутри здания работает лифт, Маша вошла в кабину, решив просто ради интереса добраться до второго этажа с удобствами. Она не успела нажать кнопку, как в кабину буквально влетел здоровенный детина и, ткнув пальцем в цифру четыре, встал так, чтобы она не могла дотянуться и нажать свою.

— Мне на второй, — сказала она и попробовала просунуть руку между стеной и кожаным плечом детины.

— А мне на четвертый, — ответил тот и повернулся к ней лицом.

Вернее, не лицом, а разбойничьей рожей, которая нагло прищурилась и хмыкнула, разглядев, что перед ней молоденькая девчонка.

— Ничего, покатаешься со мной, — добавила рожа и ухмыльнулась.

Нет ничего хуже, чем начинать на новом месте с конфликта. Маша отдернула зажатую руку и отвернулась. Черт с ним! Если что, она спустится на второй этаж пешком.

В самом деле, незачем париться по пустякам.

Зал был открыт, и народу в нем оказалось немало. Двадцать парней и ни одной девушки.

Заходить прямо в зал было все же страшновато. Маша встала у двери, чтобы посмотреть тренировку. Ребята успели только поклониться сэнсэю, как вкрадчивый голос у нее над ухом произнес:

— Если вы на балет, так он дальше по коридору.

Неторопливо обернувшись, она увидела ту самую наглую рожу, что явилась ей в лифте. Только теперь рожа сладко улыбалась.

— А если не на балет?

— Ой! А куда же? Нам чирлидерши без надобности! Или вы по другому вопросу?

Улыбка на наглой роже стала просто бескрайней.

— Ширяев, ты идешь? — крикнул кто-то из группы.

Мастер оглянулся, увидел Машу и, видимо догадавшись, кто она такая, приглашающе махнул рукой. Все еще робея, она зашла и села на низкую скамейку у стены. Владелец рожки быстро присоединился к товарищам. Тренировка началась.

Очень быстро Маша поняла, что уровень ребят гораздо ниже ее собственного. Они тоже работали в стиле «айкикай», но, видимо, совсем недавно. Техники были проработаны слабо, нечисто, ребята делали слишком много лишних движений, пусть даже мощных. Ударная «атэми» тоже оставляла желать лучшего, как, впрочем, и болевые замки «кансэцу». Владелец наглой рожки и еще пара ребят

двигались быстрее других, но их темп также казался недостаточным.

Маша приуныла. И эти люди советовали ей пойти на балет! С кем тут заниматься? Чтобы расти, нужен сильный противник, а тут одни любители балета!

Задумавшись, она не заметила, как тренер вышел из зала, и очнулась, только услышав знакомый голос:

— Девушка, раз уж вы все равно тут сидите, может, потренируетесь с нами? Сейчас будем работать с боккенами. Это палочка такая, похожая на меч, только деревянный. Мне как раз нужен мальчик для битья. Хотя и девочка сойдет. Не бойтесь, долго мучиться не придется.

Ширяев, ясное дело, просто выделялся перед товарищами и даже мысли не допускал, что девчонка поведется. Нет, она, конечно, поведется, да еще как, но не в том смысле! Вариантов два. Покраснеет и начнет обзывать или вскочит и убежит. В общем, как-то так. Но девчонка неожиданно встала и сбросила кроссовки. Неужели малышка не поняла, что он просто прикалывается?

Ширяев уже хотел отпустить пошлую фразу, типа «давайте мы без палочки обойдемся, у меня есть инструмент получше», но девочка уже шла к нему, подняв с мата боккен.

Несмотря на все старания местечкового мачо, Маша не рассердилась и даже не завелась. И на татами вышла не для того, чтобы его умыть. Когда она надевала кейкоги и завязывала черный пояс,

то становилась другим человеком: не вспыльчивым и горячим, как в обычной жизни, а хладнокровным и спокойным, каким должен быть настоящий айкидока. Честно говоря, она даже не была уверена, что сделает все так же красиво и профессионально, как обычно. Просто хотелось понять, сможет ли она тут заниматься. Выпендрейщик Ширяев сам ее позвал, так почему не размяться?

Ширяев посмотрел недоуменно и повернулся к ребятам. Это как понимать?

В одно мгновение Маша достала его боккеном.
— Передумал?

Ширяев отскочил.

— Ты чего, малая, опупела, что ли?

И замахнулся оружием. Маша отбила удар и стала наступать. Минуту на роже еще гуляла улыбка, но скорее по привычке. Потом улыбка исчезла. Ее обладатель, несколько раз получив боккеном по ногам и животу, наконец понял, что все по-настоящему, и разозлился. Когда противник начинает сердиться, он проигрывает. Позорить парня Маша не собиралась, поэтому отскочила и положила меч. Может, без него у Ширяева получится лучше?

Она пошла прямо на него. Он кинулся навстречу и тут же полетел на татами.

— Диман, смотри не расшибись! — крикнул кто-то.

Парень рассвирепел окончательно, и это решило исход боя. Маша неплохо владела атэми, поэтому могла не просто быстро и жестко ударить, а сместиться при этом с места атаки и обезопасить

себя. Как ни старался Ширяев ее достать, ничего не вышло. Наконец коронным тычковым ударом она в очередной раз отправила парня валяться и сошла с татами.

Ребята расступились. Она подошла к скамейке и сунула ноги в кроссовки. Когда куда-то заходишь, сразу реши, как будешь выходить. Обувь она поставила носами к выходу. Надела и, не оглядываясь, вышла за дверь.

Нет, пожалуй, здесь ей заниматься не придется. Куда же податься?

Телефонный звонок застал ее стоящей на крыльце в тяжком раздумье о своем будущем.

— Это вы были сейчас у меня на занятии?

— Да.

— Тогда не убегай далеко. Я к тебе спущусь.

Тренеру было уже за пятьдесят. Лысоватый, пузатенький и довольно невзрачный мужичонка. Таким он казался со стороны. Но Маша уже знала, что этот мужичонка — обладатель недосягаемого для нее шестого дана, поэтому, когда он вышел к ней, заробела и неловко поклонилась.

— Михаил Юрьевич, рада познакомиться.

Тренер кивнул, не удивившись, что ей известно его имя.

— Эта группа тебе не подходит. Полицейские. Им «айкикай» нужен только в прикладном смысле.

Полицейские? Значит, наглая рожа Ширяев — мент? Представитель той самой силы, которая, как сказал поэт, «меня бережет»? Куда мы катимся?

— Я занимаюсь еще с одной группой. Там четыре человека всего. Два — третьих, один — четвертый, один — пятый. Пойдешь?

Четвертый и пятый даны? Ого! Маша заробела еще больше. Михаил Юрьевич это заметил.

— Я видел, как ты работаешь. Потенциал есть. Тебе нужны партнеры сильнее тебя. Так что?

— А сколько стоит занятие? — спросила Маша и покраснела.

Если очень дорого, то ей, скорей всего, пока не по карману.

— С этими я занимаюсь от клуба, поэтому денег не потребуется, — спокойно ответил тренер.

Бесплатно? Нет, положительно, на свете есть Бог. И он ее любит!

КАРТИНА РАФАЭЛЯ

День рождения директора, который Маша с любопытством ждала и боялась одновременно, принес ей новые открытия и новое имя.

Оказалось, что поздравить именинника явилось человек сорок. Некоторые из гостей были весьма колоритными персонажами. Особенно ее впечатлил дядя Льва Моисеевича, ортодоксальный еврей с пейсами и в диковинном пиджаке, называемом, как выяснилось, лапсердаком. Не менее живописно смотрелась группа из трех сестер хозяйки дома, вместе с которыми пришли их мужья, дети и внуки. Центром этой большой кучи был маленький мальчик, которого все звали Абрамчик. Маша так и не поняла, кому этот белокурый ангел приходится сыном. Все хлопотали вокруг него так, словно именно он был пупом земли. Машу мальчик выделил из толпы сразу, уставился огромными шоколадными глазами и вдруг заявил: